

A man and a woman are dancing tango in front of a large, ornate monument. The man is wearing a dark suit and a fedora, and the woman is wearing a dark, flowing dress. They are in a close embrace, with the man's hand on the woman's waist and her hand on his shoulder. The monument behind them is tall and white, with several decorative elements, including a large anchor and a ship's prow. The sky is a deep red, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is romantic and dramatic.

Дарья
Щедрина

ТАНГО

У РОСТРАЛЬНЫХ
КОЛОНН

Дарья Щедрина

Танго у ростральных колонн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42129338

ISBN 9785449655899

Аннотация

Судьба сводит вместе двух молодых, красивых, талантливых людей. Ксения – начинающая, но уже популярная писательница. Андрей – художник, иллюстрировавший ее книгу. Любовь, как в романе, вспыхивает с первого взгляда и разгорается ярким пламенем. Но куда все время исчезает возлюбленная Андрея, в какое Зазеркалье прячется от него? И что за тайны скрываются в жизни Ксении и ее семьи? Не приведет ли раскрытие этих тайн к беде?..

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	20
Глава 3.	34
Глава 4.	44
Глава 5.	54
Глава 6.	61
Глава 7.	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Танго у ростральных колонн

Дарья Щедрина

© Дарья Щедрина, 2019

ISBN 978-5-4496-5589-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Роковой звонок

Приходилось ли вам когда-нибудь сталкиваться с ситуацией, когда событие, незначительное на первый взгляд, в последствии полностью, кардинально меняло вашу жизнь, выворачивало ее на изнанку? Такая история случилась со мной. Тот телефонный звонок потянул за собой цепочку событий, словно железный каток, прокатившихся по моей, да и не только моей, судьбе и закатавших в асфальт все юношеские романтические бредни, гнездившиеся тогда в моей голове.

Впрочем, давайте по порядку.

Вообще-то я художник, зовут меня Андрей Клементьев, 30 лет от роду. С самого детства мною руководили два увлечения: чтение и рисование. Одно из них стало моей профессией, но и второе не выпустило из своих крепкий объятий.

Так уж повелось, что, читая хорошую книгу, я всегда видел перед глазами каждого героя, каждое событие во всех красках и подробностях, так сильно захватывало меня повествование. Под рукой всегда оказывался карандаш. И вскоре герои и события из моего воображения плавно перебирались на бумагу, постепенно превращаясь в иллюстрации. Однажды мой друг Артем Савельев заметил на моем

столе пачку таких зарисовок к самому популярному на тот момент приключенческому роману, которым все зачитывались, и остолбенел.

— Касс, Андрюха! — в восторге воскликнул он, перебирая картинки. — С каждым персонажем ты в точку попал! Нет, я должен это показать отцу.

И только тогда я узнал, что отец у Тёмки владеет крупнейшим книжным издательством «Арена». Большому Боссу понравились мои творения, и я был тут же принят на работу в это издательство художником-иллюстратором. Вот такой «зигзаг удачи»! С тех пор я совмещал приятное с полезным: читал хорошие книги, творил в удовольствие и получал за это неплохие деньги.

Тот апрельский день был наполнен солнечным светом. Воздух казался звонко прозрачным, а скользящие по земле неуловимые тени от облаков создавали иллюзию движения пространства. Я смотрел в окно своей квартиры на кроны деревьев небольшого уютного сквера с гуляющими мамашами с колясками и воркующими на лавочках старичками. Ветер беззастенчиво трепал голые ветки лип и черемух. Вдоль песчаных дорожек журчали светлые ручейки талой воды. А в тени между стволами еще белели кучи грязного ноздреватого снега.

Вдруг сонную тишину квартиры нарушил телефонный звонок. Если б только я знал, если б только в душе моей шевельнулось недоброе предчувствие, я бы не стал отвечать

на этот звонок. Но я ничего не почувствовал и нехотя взял трубку.

– Привет, Андрюша! – прозвучало сочное контральто главного редактора «Арены» Марины Львовны.

– Привет, Марин! – ответил я, вовсе не опускаясь до фамильярности с солидной дамой. Просто Марина Львовна, хоть и была в действительности солидной дамой с большим опытом работы, предпочитала общаться с друзьями именно таким образом. А оказаться в когорте друзей госпожи редакторши было для меня честью и удовольствием.

– Как твоя работа? Все еще корпишь над «Звездным саваном»?

– Вчера закончил и сдал все материалы, – отрапортовал я. Роман в стиле космической фантастики доставил мне массу сложностей, но и массу удовольствия, таким закрученным оказался сюжет, а герои яркими и нестандартными.

– Очень хорошо, дружочек, – обрадовалась Марина и в ее густом бархатном тембре зазвучали звенящие нотки, – у меня есть для тебя работка.

Честно говоря, в тот момент мне меньше всего хотелось работать. Творческое воображение требовало отдыха и новых впечатлений от жизни, а не от пыльных текстов (Ну, это образно говоря! Я давно не читаю бумажные книги. Рабочий материал в виде электронных версий мне присылают на мой почтовый ящик). Сегодня вечером я уже договорился с друзьями встретиться в клубе отдохнуть, пообщаться. Но у Ма-

рины были на меня другие планы.

– Какая еще работка, Марина? – мне не удалось скрыть недовольные нотки в голосе.

– Слышал про Ксению Преображенскую?

– Это недавнее открытие «Арены» о котором все говорят последние месяца три-четыре?

– Именно! Ее первый роман произвел фурор. Мы заработали на нем кучу денег, чего сами не ожидали. А теперь готов второй. И я хочу, чтобы обложку к нему сделал именно ты, дружок!

– О чем сие нетленное творение? – поинтересовался я без особого энтузиазма. Я не читал первый роман нового автора, так как этих авторов в издательстве было очень много. За всеми не уследишь, но слухи до меня дошли восторженные.

– О любви, Андрюша. Он и Она, их сложные судьбы, запутанные отношения. В общем сплошная психология!

Мысленно я поморщился. Терпеть не могу женские любовные романы. Я их называю «розовые сопли». Все эти охи-вздохи, слезливые страдания и обязательный хэппи энд никогда меня не привлекали. От работы над этой любовной белибердой я упорно отнекивался, предпочитая детективы, приключения или исторические романы. Вот где можно развернуться! Я с удовольствием погружался в «археологические раскопки» в интернете, разыскивая информацию о исторических костюмах, о доспехах и вооружении, о средствах

передвижения, об архитектурных стилях и прочих мелочах, с помощью которых я создавал убедительные, достоверные образы.

– Марин, а кроме меня некому взяться за эту твою «работку»? – спросил я с надеждой отговориться и на этот раз.

– Есть. Но я хочу, чтобы обложку к роману Ксении Преображенской сделал именно ты. Потому что, Андрюшенька, как мне кажется, ты лучше всех справишься с этой работой. Так подсказывает мое чутье, а оно меня давно уже не обманывает, ты же знаешь. Дружочек, – ворковала редакторша, – не отказывайся, роман действительно потрясающий. И обложка должна быть потрясающей, чтобы читатель, бросив на нее мимолетный взгляд, больше уже не мог оторвать глаз и купил книгу. Только ты, Андрюша, с твоим талантом способен сотворить такую обложку. Не отказывайся. Я тебя прошу! Мы помножим талант автора на талант художника и получим нечто потрясающее. Соглашайся, дружочек, соглашайся!

Этот ее «дружочек» по-матерински ласковый, теплый, как всегда, пробил брешь в твердой стене моего нежелания, и я согласился. Но согласился только ради самой Марины, которую я искренне любил и уважал. Так Судьба свела меня с Ксенией Преображенской, вернее, сначала с ее творчеством.

Решив для себя, что ничего сложного в этой работе не предвидеться, я согласился. Не удосужившись прочитать

сам роман, я выспросил у Марины, как по тексту выглядят главные герои, чтобы не попасть впросак, изобразив героиню хрупкой блондинкой, а героя жгучим брюнетом, хотя на самом деле все наоборот – она брюнетка, а он блондин. И за пару дней намалевал в качестве макета обложки обнимающуюся влюбленную парочку, ну, как обычно рисуют на обложках женских романов.

Реакция на мое творение была неожиданной и быстрой:

– Андрюша, – вопила в трубку Марина Львовна, наращивая децибелы, – ты с ума сошел?! Это же роман Ксении Преображенской, а не какой-то Нюси Мухиной! Это серьезное произведение! Ксения, увидев то, что ты сляпал кое-как, задохнулась от возмущения! Срочно переделай и переделай как следует, а не то я обижусь.

Я обреченно вздохнул:

– Хорошо, переделаю. А что именно не понравилось нашему великому автору? – Ксения Преображенская представилась мне занудной старой девой, крапающей свои нетленные произведения с утра до ночи и с ночи до утра, с длинным носом и надменным взглядом. В общем противная тетка с претензией на гениальность.

– Ты не ёрничай, Клементьев, – одернула меня главный редактор, – а выясняй все у нее сам. Я скину тебе адрес ее электронной почты. И будь любезен, хотя бы постарайся найти с ней общий язык.

Деваться было некуда, и я ввязался в переписку с каприз-

ной авторшей любовного романа, пытаясь выяснить у нее, что же она хочет видеть на обложке ее нетленного, гениального творения? Но ответ, пришедший лишь на следующий день, меня обескуражил.

«Здравствуйте, Андрей, – писала она, – вы прекрасный художник, от вашей картины глаз не отвести, так восхитительны, обворожительны герои. Проблема в том, что герои моей книги не так хороши. Они совершенно обыкновенные люди со своими достоинствами и недостатками, со своими слабостями и доблестями, со своими страхами, сложными характерами, со своими ошибками. Они такие же, как окружающие нас люди, только умеют любить сильно, самоотверженно, жертвенно. Как это можно выразить словами, я знаю, а как с помощью кисти и красок... Это знаете только вы, Андрей. Помогите мне, пожалуйста, вы же мастер!»

После этого письма я попросил ее прислать мне сам текст романа. Я лег на любимый диван, уткнувшись в экран планшета, и... позабыл обо всем на свете. Я читал весь день, пропустив обед и ужин, не отрываясь на перекуры, не реагируя на жалобные вопли кота Лёлика, выпрашивающего корм. Я не дочитал роман, а очнулся на последней странице, вынырнув из придуманного Ксенией Преображенской мира, как из глубокого омута. Еще час я пребывал в состоянии легкого обалдения, механически насыпав корм в миску ко-ту и сунув в собственный рот бутерброд с колбасой, а потом схватился за карандаши и нырнул уже в свой мир, со-

здавая его линиями и штрихами, конурами и контрастами. Я рисовал всю ночь, с удивлением поняв, что так и не спал почти сутки лишь когда на востоке неба появились первые розоватые проблески, заливая солнечным сиянием притихшие кроны лип.

Утром я отправил Ксении письмо, прикрепив к нему файлы с рисунками, коих набралось гораздо больше необходимого.

«Уважаемая Ксения, посылаю вам наброски иллюстраций. Устраивает ли вас такой стиль? С обложкой я пока не определился. У меня к вам большая читательская просьба: пока еще роман не напечатан, измените, пожалуйста, финал! Даже я, закаленный брутальными бандитскими сагами и детективными сериалами, не смог сдержать скупую мужскую слезу, когда главный герой в конце умирает от инфаркта в больнице. Это же не справедливо! Пусть он останется жив, очень прошу! С большим уважением к вашему таланту, Андрей».

Я ничуть не преувеличил и не покривил душой. Роман действительно был потрясающим. Повествование захватило меня с первой страницы, с первого абзаца и не отпускало до самого последнего слова. Читатель я опытный, со стажем и с уверенностью могу сказать, что Ксения Преображенская была настоящей жемчужиной в короне современной российской прозы. А я записался в первые ряды поклонников ее таланта.

Ответ на мое письмо пришел к вечеру.

«Здравствуйте, Андрей! Рада, что вам понравилось чтение. Стиль иллюстраций меня устраивает. Я отметила те, которые мне больше всего понравились. Хорошо, что мы с вами поняли друг друга. Изменить финал не могу, увы, потому что в жизни именно так и бывает. Счастливый конец типа „и жили они долго и счастливо и умерли в один день“ бывает только в сказках. А я не сказочница. Так что простите и не судите строго. А если этот роман выжал из вас скупую мужскую слезу, значит душа у вас живая, сострадательная. И это прекрасно! С уважением, Ксения.»

О том, что иметь живую сострадательную душу хорошо, я бы еще поспорил со своей собеседницей, но захватила работа. Все иллюстрации и обложка книги были полностью готовы уже через две недели. И я получил заслуженную похвалу от самой Марины Львовны. Еще через месяц роман вышел из печати. А в середине июня издательство «Арена» устроило презентацию книг своих новых, но уже ставших популярными авторов, пригласив в банкетный зал гостиницы «Европа», на самой верхотуре, под стеклянной крышей, большое количество гостей и представителей прессы.

Я тоже был зван самой Мариной с условием, что вместо старых потертых джинсов и любимой футболки надену приличный костюм с галстуком и загляну в парикмахерскую. Я пытался отговориться от галстука (ненавижу эту удавку!), но суровая редакторша заявила, что иначе меня перепутают

с каким-нибудь мальчишкой – курьером, а для серьезного художника это обидно. И вообще нечего позорить солидное издательство!

Смирившись со своей участью, я затерялся в толпе гостей и, попивая из высокого бокала французское шампанское, скромно стоял у стеклянной стены зала, разглядывая тонущий в летних сумерках город. Далеко под моими ногами сиял золотыми нитями фонарей проспект с несущимися по нему вереницами автомобилей, лабиринты крыш свято хранили древние тайны дворов-колодцев, манили своей изысканной красотой дворцы и старинные особняки. И все это великолепие постепенно невидимой вуалью накрывала волшебная белая ночь.

– А вот и он!

Я вздрогнул от неожиданности и обернулся на знакомое контрольно. Моя дорогая редакторша, сверкая бриллиантами в ушах и на пышной груди, потянула меня за рукав к компании незнакомых мне гостей.

– Это наш замечательный художник Андрей Клементьев, автор иллюстраций к новому роману Ксении. Прошу любить и жаловать.

Я улыбнулся, кивая и пожимая протянутые мне руки. Имена бизнесменов, меценатов, директоров, крупных чиновников влетали мне в одно ухо и тут же вылетали в другое. Я никогда не любил этих светских тусовок с демонстрацией своего высокого социального статуса и богатства, с дежур-

ными, словно приклеенными к лицам улыбками, с пустыми, ничего не значащими словами.

И вдруг я замер. Марина Львовна подвела ко мне девушку в скромном сиреновом платье без всяких украшений. Но сам цвет платья так оттенял ее большие серые глаза в обрамлении длинных густых ресниц, так гармонировал с темно русыми локонами, укрывавшими плечи, что никакие украшения и не были нужны. Сама девушка была чистейшей воды бриллиантом. Я онемел от неожиданности.

– Это и есть Андрей Клементьев, который чуть не запарол макет обложки вашего романа, Ксения. Передаю его вам на растерзание, если заслужил. – Марина с торжествующей улыбкой представила меня незнакомке и шепнула на ухо, уходя, – это автор того самого романа, Андрюша, Ксения Преображенская. Будьте знакомы, господа!

Я и так никогда не отличался красноречием, да и не нужно оно художнику, а тут совсем онемел. Ксения Преображенская, автор самых популярных романов современности, безусловный талант, была так прекрасна, что я, как дурак, стоял столбом и таращился на нее, растерянно хлопая ресницами. Нет, ее нельзя было назвать красавицей в классическом смысле этого слова. Черты лица, тонкие, изящные, обладали той легкой долей асимметрии, которая делает лицо неповторимым и незабываемым. А в больших серых глазах таилась загадка. Тонкий стан, охваченный сиреневым шелком, навевал воспоминания блоковских строчек:

И каждый вечер, в час назначенный,
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

В моей голове и правда поплыл туман. Ксения не была похожа ни на одну из моих многочисленных знакомых девушек. А среди них были настоящие красотки и сердцееды. Но все они вместе взятые перед ней блекли, как помпезная бижутерия перед маленьким, но настоящим драгоценным камнем. Она была особенной, неповторимой.

– Ну, что же вы, Андрей, язык проглотили? – спросила она и улыбнулась.

О, дивная улыбка, от которой внутри меня что-то дрогнуло и стало растекаться теплой волной, наполняя все мое существо легкостью и жадой полета, как воздушный шарик гелием.

– Очень рад личному знакомству, Ксения, – наконец смог заговорить я, но голос предательски дрожал, – а я вас представлял совсем другой.

– Какой же? – она удивленно изогнула левую бровь, не переставая улыбаться.

– Мне почему-то казалось, что вы значительно старше, такая серьезная книжная дама с легким налетом занудности. – Ответом мне был серебристый веселый смех. – Хотите шампанского?

Я подхватил бокал с подноса пробежавшего мимо официанта. Ксения кивнула и протянула руку к бокалу. Ах, какие у нее тонкие руки с нежными пальчиками без угрожающего, агрессивного маникюра! Мне вдруг безумно захотелось коснуться губами каждого пальчика, прижаться щекой к мягкой, прохладной ладони, но я одернул себя. Не время и не место отпустить в полет собственное воображение!

– А я вас представляла молодым лоботрясом и прогульщиком, который предпочитает всякие развлечения скучным рабочим обязанностям!

– Увы, ваше предположение совсем недалеко от истины! – признался я, наслаждаясь обществом моей новой знакомой.

Мы стояли рядом среди толпы важных, разодетых, переполненных чувством собственной значимости людей, но я видел только ее. Все остальное слилось в пестрый, шумный фон. Зрение мое чудесным образом сфокусировалось на ней, растворив все остальное в разноцветном тумане. Я видел только ее, слышал только ее голос, голова моя шла кругом от аромата ее легких духов. Вдруг из толпы незнакомых, чужих лиц снова вынырнула Марина и, подхватив Ксению под локоть, повлекла в сторону.

– Прошу прощения, – скользнув по мне взглядом, сообщила редакторша на ходу, – я должна представить нашу звезду нужным людям.

Ксения бросила на меня растерянный взгляд, и я остался один. Мир ярких обложек и больших денег украл ее у меня,

оставив в душе чувство невосполнимой потери.

Я еще долго перемещался по залу, переходя от одной группки знакомых и незнакомых людей к другой, перекидываясь с ними ничего не значащими фразами, а мои глаза искали в разноликой толпе тонкую фигурку в сиреновом платье. Звучали торжественные речи, глаза слепили фотовспышки, хрустально позванивали бокалы в руках гостей.

Я уже собрался покинуть помпезное мероприятие, исчезнув незаметно, не привлекая внимания, но вдруг почувствовал взгляд больших серых глаз и встрепенулся. Эти глаза искали меня в толпе! Я ринулся вперед, обходя лениво болтающих «нужных людей» с безразличными лицами, бесцеремонно расталкивая скользящих толстосумов в конец зала, куда манил меня сиреневый силуэт, как маяк затерявшийся в океане корабль.

Я почти достиг цели, когда кто-то схватил меня за руку и остановил. Я резко обернулся, готовый выплеснуть на неожиданное препятствие все свое раздражение. Это оказался Артем Савельев, мой старый друг. Откуда он здесь? Ах, да! Он же сын и наследник Большого Босса!

– Ты куда так несешься? – на круглой физиономии Тёмки сияла добродушная улыбка.

– Извини, дружище, я сейчас.

Я вырвался из дружеских объятий Артема и снова двинулся в конец зала. Но девушки в сиреновом уже не было. Она исчезла, растворилась в пространстве, не оставив и следа.

Я крутил головой во все стороны, поднимаясь на цыпочки, чтобы видеть весь большой, заполненный людьми зал, но все мои усилия были напрасны. Больше я так и не увидел Ксению.

Спустя час я все-таки ушел с мероприятия, не поставив в известность Марину Львовну, в подавленном настроении. Когда такси увозило меня сквозь жемчужную дымку белой ночи по сонным набережным и площадям Питера, я невольно вспоминал взгляд серых глаз и светлую улыбку, пробудившие в моей душе музыку. Девушка в сиреновом платье прекрасная как мечта и нереальная как сон... А может это и был только сон? Может быть, она приснилась мне?

Я вернулся домой, покормил благодарно мурчащего кота и лег спать. Внутри возникло и вскоре заполнило все мое существо странное чувство, будто встреча эта предназначена мне самой Судьбой, и теперь жизнь моя изменится неотвратно. Ах, как же я был недалек от истины! С твердым намерением на утро разыскать неуловимую писательницу я заснул.

Глава 2.

Цветы для богини

Разбудил меня Лёлик, бесцеремонно взгромоздившейся мне на голову и начавший громко мурлыкать прямо в ухо. Никакие мои ночные бдения не могли повлиять на его расписание дня. Пришло время кошачьего обеда, значит нечего хозяину спать!

Первое, что я сделал, накормив кота, был карандашный набросок женского профиля: высокий лоб, тонкий изящный нос, легкая воздушная тень от длинных ресниц, губы, которые хочется целовать и целовать... Мысли о новой знакомой не выходили из головы. Чтобы узнать телефон Ксении я позвонил Марине Львовне и наткнулся на возмущенный рык редакторши.

– Я еще сплю, Клементьев! Чего тебе надо? – и никаких вам бархатных ноток в голосе.

– Извини ради бога, Марина! Мне нужен телефон Ксении Преображенской.

В трубке повисло недовольное молчание, сопровождавшееся сопением. Я затаил дыхание. Марина Львовна была единственной надеждой, ведь телефон Ксении могла знать только она.

– Ты мужик, Андрюша, или кто? Не мог сам попросить

телефончик у понравившейся девушки?

– Да я хотел...

– А чего тогда стоял дурак-дураком и ушами хлопал?

– Растерялся...

– Растерялся он, – я услышал обреченный вздох и шуршание, – ладно, сейчас найду ее телефон и скину тебе эсэмеской. А ты, дружочек, в следующий раз не теряйся, сам проявляй инициативу, чтобы меня, старую женщину, от оздоровительного сна не отвлекать. Понял?!

От привычного и добродушного «дружочек» на душе сразу стало легко, и я благодарно затараторил:

– Понял, понял, Мариночка! Спасибо тебе огромное!

Спустя пару минут телефон звякнул, получив смс. На экране высветились цифры долгожданного номера.

Со мной явно что-то происходило странное. Для меня никогда не составляло труда просто подойти к незнакомой девушке на улице и попросить телефончик. Я легко знакомился в любой компании, в музыкальных клубах, ресторанах, любых тусовках. Друзья даже немного завидовали моей уверенности в себе с легкой примесью нахальства. А я искренне не понимал, что тут такого сложного? Ну, откажет надменная красавица. Ничего страшного. Этих красавиц вокруг пруд пруди! Подойду к другой.

С телефоном Ксении в руках я ходил по квартире из угла в угол и никак не решался позвонить. А вдруг она еще спит? Вечерника вчера закончилась далеко за полночь. Хотя

она же ушла еще раньше меня. Может она занята, а я ей помешаю своим звонком? Сомнения терзали душу, и я тянул время. А вдруг она пошлет меня куда подальше? Что тогда делать? Отказ Ксении казался настоящей катастрофой.

Устав от собственной неуверенности, бросив взгляд на изящный женский профиль, изображенный на обрывке бумаги, я наконец решился.

– Алло? – прозвучал в трубке ее нежный голосок.

– Здравствуйте, Ксения, это Андрей Клементьев, художник-иллюстратор, мы с вами вчера на вечере познакомились.

– Здравствуйте, Андрей. Я вас узнала. – Голос спокойный, доброжелательный, и не спросила откуда у меня ее номер телефона!

– Ксения, у меня к вам есть предложение, вернее просьба... – я замялся, подбирая слова, – в общем хотелось бы с вами кое-что обсудить.

– Хорошо, давайте обсудим, – с готовностью ответила моя собеседница. Я воодушевился.

– Не по телефону. Могу я вас пригласить в какой-нибудь ресторан, где за столиком в спокойной обстановке мы могли бы поговорить?

– В ресторан?... – кажется, Ксения немного растерялась.

– Да, например «Легран» или «Русский ампир». – Я называл дорогие и престижные рестораны города. Ведь литературная дива, суперпопулярная писательница могла не согласиться на обычный ресторан или кафе.

– Слишком пафосно и дорого, Андрей. Давайте лучше в какое-нибудь кафе.

– Я вас приглашаю, Ксения, и хочу, чтобы вам понравилось место!

– Я предпочитаю скромные, но уютные кафе. Знаете «Квартирку» на малой Садовой?

– Нет...

– Тогда я вам покажу это милое местечко. Назначайте время.

То, как быстро Ксения согласилась на встречу, окрылило меня, воодушевило и заставило метаться по квартире в поисках достойного прикида. Хотелось прийти на свидание во всеоружии.

Я вскочил в свою машину и рванул вперед, навстречу мечте, чуть не поцарапав соседскую иномарку. Сердце мое билось в ускоренном темпе, руки с усилием сжимали руль, точно это могло как-то ускорить долгожданную встречу. Я притормозил возле цветочного магазина с намерением купить самый роскошный и самый дорогой букет, но растерялся, войдя в стеклянное помещение магазина. Что подарить Ксении? Розы? Эти царственные цветы смотрели на меня белыми, розовыми, желтоватыми, пурпурно-красными бутонами, напоминая светских красавиц – пациенток знаменитого пластического хирурга – дивно красивых, накачанных силиконом и похожих друг на друга как сестры.

Нет! Ксении пафосные и помпезные розы не подойдут. Ей

нужно что-то нежное, утонченное, изысканное. И я выбрал белые тюльпаны. Крупные шелковистые бутоны были еще закрыты и казалось, что внутри них спрятана какая-то тайна. Для таинственной и загадочной писательницы – в самый раз!

Потеряв в цветочном магазине какие-то десять минут, я попал в пробку на проспекте. Поток машин впереди то двигался черепашьям шагом, то замирал на месте. Черт побери! Эдак я опоздаю на первое свидание! Что подумает обо мне Ксения? Лучше бы я поехал на метро! От нетерпения я то и дело постукивал ладонями по оплетке руля или сжимал руль с такой силой, что кожа над суставами белела.

Доехав до малой Садовой, я еще целую вечность искал, где припарковаться в окрестных дворах. К месту встречи я прибежал бегом, сжимая в правой руке букет и глядя на запястье левой, стрелки часов на которой показывали, как я безбожно опаздываю. Ксения спокойно стояла у вывески с названием кафе.

– Ух! – выдохнул я, останавливаясь в шаге от нее и переводя дыхание. – Не велите казнить, королева, велите миловать! Каюсь, виноват! Будь прокляты эти пробки!

– Думаете, стоит помиловать? – усмехнулась девушка и я с облегчением понял, что она не сердится, ну а если и сердится, то совсем чуть-чуть.

– В знак моего покаяния примите эти скромные цветы, – и протянул ей букет.

Да, я угадал с цветами! Лицо ее вспыхнуло мгновенным

румянцем, глаза удивленно расширились, а губы тихо выдохнули восхищенное «Ооо!». И я понял, что прощен. Ксения поднесла хрупкие бутоны к лицу и вдохнула их слабый аромат. Ах, как же она была прекрасна в этот момент! Мне сразу захотелось написать ее портрет именно с этим букетом у лица. Нет, она не королева, она богиня!

– Так и быть я вас прощаю! – Милостиво произнесла богиня и указала на ступеньки, ведущие в полуподвал. – Пойдемте в кафе, а то все столики займут.

Обитая дерматином подозрительная дверь отворилась и... мы оказались в коммунальной квартире советской эпохи. Крашенные в коричневый цвет стены первого зала навевали воспоминания о длинных коридорах знаменитых питерских коммуналок, в которые выходили двери многочисленных комнат. Нас встретил приветливый мальчик-официант и проводил по лабиринту маленьких комнатушек и уютных закутков, заполненных свидетельствами эпохи 60—70 годов: столики, покрытые ткаными скатертями, древние черно-белые телевизоры с ламповыми кинескопами, старомодный проигрыватель виниловых пластинок, допотопный трельяж, на стенах, оклеенных бумажными обоями с давно вышедшими из моды рисунками, репродукции советских художников и черно-белые фотографии популярных киноартистов минувшей эпохи... Я с удивлением осматривался по сторонам.

Ксения выбрала столик у окна. Мягкий свет торшера

с желтым абажуром создавал уютную атмосферу.

– Как вам это кафе? – спросила моя спутница, усаживаясь за стол и бросая свою сумочку на соседнее кресло.

– Очень стильно и необычно.

– Я давно заприметила это местечко и иногда захожу сюда перекусить и отдохнуть, – заговорила Ксения. – Мне здесь нравится. Я чувствую себя здесь, как дома. И кухня у них вкусная, будто ваша собственная бабушка приготовила.

А богиня оказалась экстравагантной! Мое воображение рисовало ее в окружении зеркал и золоченой лепнины, в сверкании хрусталя, под звуки живой классической музыки. Но я готов был признать, что и в этих скромных интерьерах она смотрелась очень органично. Королева, богиня, волшебница!

Ксения читала меню, а я не отрывал глаз от ее лица. Она была обворожительна в обычной белой блузке-рубашке, без всяких украшений, почти без косметики. И я готов был любоваться этим очаровательным личиком бесконечно. Я почувствовал, что снова погружаюсь в состояние транса и в голове моей прозвучал упрек Марины Львовны: «Ты мужик, Клементьев, или кто?» Я стряхнул с себя наваждение и решительно произнес:

– Ксения, может вы будете так добры, что позволите обращаться к вам на «ты»?

Девушка удивленно приподняла изящные брови:

– Фу, Андрей, зачем же так вычурно? Конечно, давай на «ты»! И брось ты все эти церемонии.

Она слегка презрительно наморщила нос и сразу стала похожа на простую, милую девчонку.

– Так о какой такой просьбе или предложении ты хотел поговорить? – спросила она, вернув меня с небес на землю.

– Я очень хочу написать твой портрет, Ксения. Не согласишься мне позировать?

Она недовольно нахмурилась.

– Позировать? Это стоять застыв часами в одной позе, устремив взгляд в одну точку? Нет, не хочу.

– Часами не надо! – воскликнул я, пытаюсь уговорить девушку. – Хотя лично я был бы не против смотреть на тебя часами. Ты очень красивая.

– Это в тебе говорит профессиональный художник? – и хитро прищурилась.

– Не только художник, – пробормотал я, опуская глаза. Боже мой, кажется, я смутился! Давно за мной такого не наблюдалось. Да что со мной твориться?!

– Расскажи-ка лучше, как ты стал художником? Где учился? – Ксения умело перевела беседу на другую, более безопасную тему.

– Как я стал художником? Я им родился и рисовать стал, как только научился держать в руке карандаш. Я вообще-то везунчик. Мне повезло родиться в обеспеченной семье. Мой отец занялся бизнесом еще в эпоху перестройки и теперь

у него крупная, устойчивая и успешная фирма. Мне повезло иметь старшего брата, который пошел по стопам отца и теперь помогает ему с бизнесом. А мне было позволено заниматься тем, чем я хотел с детства, то есть рисовать. Я закончил нашу Академию художеств, что на Васильевском острове, потом два года учился в Италии, изучал живопись эпохи Возрождения. И вот уже пять лет работаю в издательстве «Арена», обеспечивая себе хлеб с маслом, а на досуге пишу картины в свое удовольствие. Иногда продаю их через галерею своего старого друга. Очень прошу, позволь мне написать твой портрет, Ксения!

– Зачем тебе мой портрет?

– Я повешу его на самое видное место и буду любоваться.

В ее глазах плясали лукавые искорки, а уголки губ слегка подрагивали, сдерживая рвущуюся наружу улыбку. И я чувствовал, как невидимые нити протягиваются между нами и соединяют, связывают наши судьбы. Волшебное ощущение предвосхищения будущего! Что-то внутри меня уже знало, что я встретил наконец свою судьбу, но в то же время боялось поверить в счастье. Уже в этот момент я мог бы абсолютно искренне сказать: «Я люблю тебя, Ксения!», но язык мой немел в испуге и неуверенности. Разве такое может со мной случиться? Ведь любовь с первого взгляда существует только в книгах. Это выдумка обманщиков-писателей.

Мальчик-официант принес наш заказ, и мы принялись

за еду. Ксения оказалась права: кухня в этом кафе действительно была замечательной и по-домашнему простой. Исподтишка я наблюдал за моей собеседницей, как она изящно держит нож и вилку, как подносит кусочек мяса ко рту, как делает глоток вина из бокала. Что-то внутри меня таяло в присутствии этой девушки, как снег под весенним солнцем, растекалось теплыми волнами, заполняя каждую клеточку. Вот и не верь после этого в любовь с первого взгляда!

А меня несло от восторга и волнения, и я болтал без умолку, рассказывая про свою учебу в Италии, про эпоху Возрождения. Воодушевленный заинтересованным взглядом собеседницы, я говорил о творчестве Микеланджело и Рафаэля, Караваджо и Тициана, Джотто и Веронезе, мысленно сравнивая красавицу, сидящую напротив меня, с Венерой кисти Боттичелли. А она слушала, не перебивая, и улыбалась таинственной, колдовской улыбкой Джоконды великого Леонардо.

Время сжалось, спрессовалось в летящие сквозь летний вечер мгновения и застыло солнечной каплей над карнизом полуподвального окошка, прикрытого скромной тюлевой занавеской. Я не заметил, как прошло два часа и спохватился, вдруг осознав, что говорю я один, а моя визави только слушает мою болтовню.

– Ксения, теперь твоя очередь рассказывать о себе, – сказал я, отодвигая пустую тарелку. – Как ты стала писать? Где училась этому?

– Училась? Писать нас всех учили в школе. А так, чтобы специально на писателя я не училась. Просто случайно звезды сошлись.

Заметив мое удивление, девушка склонилась над раздвинутым нас столом и заговорила таинственным голосом:

– Представь себе: ночь, длинный темный больничный коридор, только желтый круг света от настольной лампы освещает пост медсестры. Темнота и тишина, пропитанная запахами лекарств. Дежурная медсестра не спит, потому что спать на дежурстве не полагается. Но впереди еще долгая-долгая ночь до конца дежурства. Чем заняться? Она достает маленькую флешку, вставляет ее в системный блок рабочего компьютера, пододвигает к себе клавиатуру. И вот по светлому полю компьютерного монитора уже бегут, топропятся собраться в слова, в предложения ровные строчки букв, уже возникает подсказанный ее воображением новый мир. Так рождается картина, написанная словами.

– Так ты была медсестрой? – не поверил я ее писательской выдумке.

– Может и медсестрой. Какая разница? Я написала свою первую историю и выложила ее в сеть, так как каждый художник в глубине души хочет, чтобы его произведение увидели зрители, прочитали читатели. У меня не было мысли ходить по издательствам и просить напечатать мой роман. Я не представляла, что этим можно заработать какие-то деньги. Я просто хотела найти своего читателя. Как же я бы-

ла удивлена, когда по электронной почте получила письмо из настоящего крупного издательства с предложением напечатать роман!

– Это было издательство «Арена», а автором письма – Марина Львовна? – вставил я вопрос, уже зная ответ.

– Да. Так что я, Андрей, такой же везунчик, как и ты. Мечты иногда сбываются и в гораздо большем размере, чем можно ожидать. Вот такая почти сказочная история.

Нам принесли десерт, и моя собеседница отвлеклась от разговора. Тающие в вазочке шарики мороженого она ела с таким детским удовольствием, что я не смог сдержать улыбки. Да она же совсем еще девчонка, сладкоежка к тому же! Несмотря на то, что посетителей в кафе было много, в своем закутке мы с Ксенией чувствовали себя деликатно укрытыми от посторонних взглядов, за что я был искренне благодарен чудной «квартирке». Никто не мешал мне наслаждаться обществом моей собеседницы.

– Расскажи о своей семье, – попросил я, – кто твои родители?

– Обычные люди, – ответила Ксения, безразлично пожимая плечами и не поднимая на меня глаз. – Я, Андрей, совершенно обычный человек, и родители у меня обычные люди. Ничего интересного!

Она вдруг взглянула на свои часики и стала собираться, укладывая в сумочку предусмотрительно выложенный на стол мобильник.

– Пожалуй, мне пора!

– Как пора? – растерялся я, так неожиданно и решительно она скомкала нашу беседу. – Но ты так и не сказала, согласна ли позировать мне для портрета?

– Я фотографироваться то терпеть не могу, а уж портрет...

Ксения виновато улыбнулась и стала подниматься из-за стола. Я почувствовал, что пол уходит у меня из-под ног. Она отказала мне в маленькой просьбе! Она не хочет больше меня видеть! Но отступить я не собирался, просто не мог.

– Жаль, а я надеялся, – пробормотал я, доставая деньги и расплачиваясь с подошедшим официантом. – Может прогуляемся по городу?

– К сожалению не могу, – вежливым и официальным голосом ответила Ксения, становясь сразу далекой и неприступной. – Мне действительно пора.

– Я тебя подвезу. У меня машина в соседнем дворе, буквально пять минут пешком отсюда, – попытался я удержать, не дать порваться тонкой, невидимой ниточке, связавшей нас. Но девушка отрицательно покачала головой.

– Я лучше на метро.

Я совсем расстроился и сник, не сумев скрыть свои эмоции. Вероятно, заметив мое огорчение, Ксения улыбнулась, снова прижав к лицу букет тюльпанов, и предложила:

– Проводи меня до метро, а потом пойдешь к своей машине. Здесь же недалеко.

Мы вышли на улицу, залитую вечерним розовым светом, заполненную шумом гуляющей толпы, звуками проезжающих по Невскому троллейбусов и автомобилей. Мы словно вынырнули из таинственных глубин ретро-кафе, как из реки времени, в шумный современный городской поток. Ксения взяла меня под руку, и мы неспеша отправились к метро. Ее теплая маленькая ручка уютно устроилась в сгибе моего локтя. Так бы идти и идти до самой Невы, не замечая никого и ничего вокруг. Но станция метро «Гостиный двор» была совсем рядом.

– А ты поступила мудро, отправившись на метро, – говорил я, стараясь идти как можно медленнее, продлевая ощущение счастья еще хоть чуть-чуть, – ведь сунуться в центр города на машине в такое время – форменная глупость с моей стороны.

– Да, пробки, будь они не ладны, – кивнула Ксения.

– Я тебе позвоню? – спросил я, когда мы остановились у стеклянных дверей станции метро.

– Позвони, – Ксения улыбнулась и помахала мне на прощание рукой. В следующую секунду ее хрупкий силуэт исчез, поглощенный толпой спешащих в подземный город пассажиров. И я остался один. И еще долго стоял, не чувствуя, как толкают меня со всех сторон чужие локти и плечи, не слыша многоголосого гула толпы. Богиня, все-таки она богиня!..

Глава 3.

Принцесса из погорелого королевства

Ксения вышла из метро в одном из спальных районов города и пошла по улице в сторону дома. Она шла медленно, прижимая к лицу букет тюльпанов, продлевая ощущение легкости и наслаждения от свидания с Андреем, вспоминая его голос, его глаза... И тихая счастливая улыбка бродила по ее лицу.

Пройдя мимо нескольких пятиэтажных «хрущевок», Ксения подошла к блочной девятиэтажке. Напротив подъезда возвышалась монументальная помойка с переполненными мусором контейнерами, распространяя вокруг тяжелый помоечный дух. Девушка протянула было руку к кодовому замку на двери в парадную, но вспомнила, что замок давно сломан, и потянула тяжелую железную дверь на себя. Та, взыв и проскрежестав заржавевшими петлями, открылась, впуская ее в темноту пропахшего кошачьей мочой подъезда.

Опять кто-то разбил лампочку! Ксения стала медленно подниматься по лестнице, нащупывая ногами ступеньки. Лифт был отключен в связи с истечением срока эксплуатации и уже полгода не работал. Вопрос «когда заменят лифт?» давно уже стал риторическим, и жильцы дома свыклись, сми-

рились с существующем положением вещей.

Она поднималась по лестнице, пройдя мимо разрисованных, искалеченных вандалами почтовых ящиков, мимо воняющего помойкой жерла мусоропровода. Сквозь мутные от грязи давно не мытые стекла проникал слабый свет, не давая разобрать надписи на стенах, сделанные в стиле граффити кем-то из местных умельцев. Ксения, держась рукой за железные перила, бросила взгляд вверх, в мрачную шахту лестничного пролета. В темных закоулках мог кто-то прятаться из тех, кто оставлял после себя использованные шприцы. Ей уже пару раз приходилось сталкиваться с местными наркоманами, и сердце тревожно застучало от неприятных воспоминаний.

Дойдя до пятого этажа, Ксения остановилась возле лифта и, переведя дыхание, открыла обитую дешевым дерматином дверь. В коридоре горел свет.

– Привет, мам! – крикнула она в глубину квартиры.

Из кухни тут же показалась неопрятная женщина лет пятидесяти с лишним в замызганном домашнем халате.

– О, явилась наконец! – Недовольно поворчала Лариса Сергеевна, потрянув пережженными пергидролем всклокоченными волосами. – Где тебя черти носят, Ксанка?!

– Я на свидание ходила, – тихо и доверительно произнесла Ксения, демонстрируя подаренный роскошный букет.

– На свидание? Ну, конечно, мать тут зашивается по хозяйству, а она на свиданку побежала! Смотри у меня, Ксан-

ка, если принесешь в подоле – выгоню из дома!

– Ну, что ты, мама, такое говоришь! – вяло возмутилась Ксения, проходя в кухню и ставя цветы в пустую стеклянную банку из-под варенья. Вазы в их доме не водились, потому что никто никогда никому не дарил цветы. – Почему обязательно в подоле? Разве не может меня пригласить на свидание достойный порядочный мужчина?

– Достойный и порядочный? – лицо Ларисы Сергеевны скривилось в скептической гримасе, сделав его неприятным, отталкивающим. – Знать бы, где они водятся, эти достойные и порядочные! Может вымерли уже, как динозавры, или спрятались по норам? Нет, Ксанка, ты, конечно, не дурна собой, хотя до меня, какой я была в молодости, тебе далеко! Из-за меня же парни драки устраивали, точно бойцовые пехоты! – Она подняла глаза вверх, словно там, на засиженном мухами потолке видела романтические поединки за ее руку и сердце, и мечтательно улыбнулась. – Вот только умом тебя бог обидел. Была бы поумнее давно бы уже охотула какого-нибудь неженатого доктора или даже вашего заведующего отделением, который в том году овдовел.

– Ты что, мам, ему же 54 года, он мне в отцы годится! – Ксения села за стол и с удивлением воззрилась на мать.

– И что такого, что 54? Для мужчины это самый расцвет, можно сказать. А ты дура, тебе молодого да резвого подавай. Дело же не в возрасте. Давно пора понять, что свои мечты и желания надо подчинять большой цели! – Лариса Сергеев-

на назидательно потрясла над головой дочери указательным пальцем с обкусанным ногтем. – Вот твоя младшая сестра уже понимает, что надо подбирать себе не желторотых юнцов, что только в койке горазды рекорды ставить, а мужчин солидных и статусных, способных обеспечить будущее. Бог даст, наша Ника выйдет замуж за какого-нибудь бизнесмена или профессора. И жизнь ее сложится совсем по-другому...

– А как же любовь? – тихо, почти шепотом спросила Ксения.

– Ха-ха! Я же говорю, что ты у нас дура, Ксаночка, – ехидно хихикнула мать, – и в голове твоей одни глупости!

– Но ты то, мама, по любви за Аркадия Петровича вышла. Разве нет?

Лариса Сергеевна с упреком посмотрела на дочь. Да, неудачный у нее получился первенец! Вроде бы лицом и фигурой в мать пошла, так что мужики на улице оборачивались. Но не было в ней быющей через край энергии и несокрушимой уверенности в себе, что отличали саму Ларису Сергеевну в молодости, от чего вся красота Ксении тускнела и не бросалась в глаза. Тихая, замкнутая, послушная до приторности: «Да, мамочка. Хорошо, мамочка. Конечно, мамочка». И смотрит, как собака, будто чего-то ждет от матери. Чего? Что ее потреплют по загривку или за ушком почешут? Тьфу! Нет в Ксанке стержня, нет.

– А мне, благодаря тебе, дочка, не до любви было. Вот подвернулся Аркаша, добрая душа, позвал замуж, я и вышла

от безысходности. Кто ж меня с таким «хвостом» бы еще замуж взял? А ведь перспективы у меня были – не чета вашим. И если бы не ты, я бы сейчас как сыр в масле каталась. Так что головой надо думать, а не любви ждать. Долго она продержится, твоя любовь, без денег и положения в обществе? Впрочем, какое у тебя может быть положение в обществе? Я не о тебе, я о Нике беспокоюсь. На тебе я уже давно крест поставила!

Ксения обиделась. Почему это на ней мама крест поставила? Почему всегда обвиняет ее во всех своих неудачах? Чем она то виновата? От обиды и несправедливости в душе скапливалась горечь. Ей даже показалось, что роскошные цветы в банке с водой опустили свои сливочно-белые бутоны и потускнели.

– Ну и зря ты в меня не веришь, мама, у меня ж еще вся жизнь впереди, – возразила она. – И я еще многого в жизни добьюсь, и замуж за хорошего человека по большой любви выйду, вот!

– Ну, ну, мечтай... – проворчала Лариса Сергеевна, открыв старый, захватанный грязными пальцами холодильник и роясь в ящике для овощей. – Все дурочки по молодости о принцах мечтают, да только забывают, что настоящему принцу нужна настоящая принцесса. А ты у нас кто? Принцесса, точно принцесса, только захудалая из погорелого королевства. Больно ты принцу нужна такая! – В ее голосе сквозили издевка и презрение, а губы кривила язвительная

усмешка. – Ты бы лучше не о мужиках думала, а матери помогла. Я бульон из супового набора сварила, а лука то и нет, да и картошки совсем мало осталось. Надо в магазин сбегать.

Лариса Сергеевна, взяв замызганное кухонное полотенце как прихватку, приоткрыла крышку большой алюминиевой кастрюли, стоящей на плите. Крохотная кухонька тут же заполнилась мутным паром с запахом вареного мяса. Ксения с сожалением посмотрела на мать. Той не так давно исполнилось 50, но выглядела она значительно старше, хотя в молодости была настоящей красавицей – отрадой для мужских взглядов. И виной этому было не расплывшееся с возрастом тело, не морщины на лбу и в уголках глаз, а вечно недовольное выражение ее лица. Еще бы, с состраданием подумала дочь, при такой-то безрадостной жизни! Ей очень хотелось рассказать про Андрея, но она промолчала, не решилась. Еще не время! Ни про Андрея, ни про сотрудничество с издательством «Арена» рассказывать еще время не пришло. Ксения вынашивала в душе свою тайну, берегла ее, лелеяла, подпитываясь какой-то неведомой энергией, позволяющей почти не обращать внимания на обидные слова мамы.

– Мам, а где Ника? Она не могла сходить в магазин?

– Твоя сестра учится в университете! – Мать подняла вверх указательный палец. – Она над книжками должна сидеть, а не по магазинам ходить. И ты, как старшая, должна это понимать.

– Хорошо, мама, я сейчас схожу в магазин, – покорно кив-

нула Ксения, — только переоденусь.

Пройдя по длинному коридору, сплошь завешанному сушившемся на протянутых под потолком веревках бельем, низко пригибая голову под мокрыми простынями и наволочками, она открыла дверь в большую комнату. Громкий звук работающего телевизора ударил по барабанным перепонкам.

— Здравствуйте, Аркадий Петрович! — поздоровалась Ксения с развалившимся на диване отчимом. На столе перед ним стояли две уже пустые бутылки из-под пива.

— Привет. Сегодня «Зенит» играет, — кивнул на экран телевизора Аркадий Петрович и отправил в рот кусочек вяленой рыбы, — уже 1—0 выигрывают!

— Очень рада за них, — пробормотала Ксения безразлично, окинув взглядом унылую, заставленную старой разномастной мебелью гостиную. Почему-то в их квартире, как бы не старалась она следить за чистотой и порядком, везде была грязь. Она возникала из ниоткуда, материализовалась из воздуха, как будто квартира была заколдована. Грязь была везде: на выцветших бумажных обоях, на захватанных грязными пальцами некогда полированных дверцах шкафов, на ободранных кошачьими когтями углах дивана, на заваленных всяким хламом полках и столах... Ксения обреченно вздохнула и пошла в спальню.

У стола в своем инвалидном кресле сидел младший брат Кира и увлеченно играл в компьютерную игру. Кирилл родился с ДЦП и почти не мог ходить, хотя умом его Бог

не обидел.

– Привет, Кирюша! – поздоровалась Ксения, доставая свои вещи из шкафа. – Опять играешь в свои стрелялки?

– Привет! – Не отрываясь от экрана ответил 16 – летний брат. – Уже третий уровень прошел!

– Молодец. А учиться тебе не надо?

– На хрена? Что мне эта учеба даст высокооплачиваемую работу? Не даст. Так чего время тратить!

– Ну, почему же не даст? Я лично знаю людей, которые вот так же на инвалидных колясках, но работают и неплохие деньги зарабатывают. Только для этого учиться надо, а не в стрелялки играть.

– Ой, не начинай! – недовольно скривился Кира, бросив косой взгляд на сестру. – Вот сама бы попробовала поиграть, тогда поняла бы, как эта штука засасывает.

– В сутках, Кирюша, всего 24 часа. И на всякие стрелялки мне из них времени не выкроить. Когда ж мне за вами всеми ухаживать тогда будет?

– А ты не ухаживай. Сами справимся. – С вызовом заявил Кирилл.

И она замолчала, как всегда, уловив неприязнь в голосе Киры. Брат был несчастным больным человеком. Стоило ли его нервировать и раздражать очередными нотациями, если компьютер представлял для него единственное окно в мир, пусть и виртуальный, где он общался, играл, получал удовольствие? Она быстро переделалась в джинсы и про-

стую футболку и вышла из комнаты под бравурные звуки компьютерной игры.

– Ты куда? – поинтересовался отчим.

– В магазин. Мама просила овощи купить, – ответила Ксения, задержавшись у выхода.

– Захвати мне пару бутылочек «Балтики», а лучше маленькую водочки купи. Надо же будет отметить победу «Зенита»!

– За алкоголем сами идите, Аркадий Петрович! – ответила Ксения, недовольно нахмурившись.

– Ну, что ты, как не родная! – Аркадий Петрович скорчил жалобную гримасу на щекастой, небритой физиономии и почесал под застиранной трикотажной майкой круглый пивной живот. – Жалко тебе что ли?

– Не жалко, а тяжело. Мне овощи тяжелые пешком на пятый этаж тащить, только ваших бутылок и не хватало.

Отчим хотел что-то возразить, но тут зенитовцы удачно пробили по воротам противника, и грузный, неопрятный мужик вскочил с дивана, уронив с колен тушку вяленой рыбы, завопив на весь дом победное «Гооол!» и радостно замаха руками. Ксения вышла из комнаты.

Она не то что ненавидела, скорее презирала отчима, но старалась не показывать своего отношения открыто, чтобы не расстраивать маму. Ох, мама, мама! Ну, как можно было полюбить этого толстого, ленивого, просиживающего дни и ночи у телевизора и медленно опускающегося алкого-

лика? За что ты его так любишь и ценишь? За то, что тихий и во хмелю ни разу в жизни ни на кого руку не поднял? Разве это достоинство? А то, что его в который уже раз уволили за пьянку с очередной работы и теперь опять все заботы по обеспечению семьи легли на плечи ее, Ксении? А много ли она может со своей медсестринской зарплатой? Впрочем, теперь зарплата обычной медсестры не имела значения. Ксения, выходя из квартиры с хозяйственной сумкой в руках, улыбнулась собственным мыслям. Скоро все изменится! Гонорар за первый роман был не особенно высок, но он непременно поможет решить целый ряд неотложных финансовых проблем. Гонорар за второй роман обещал значительно больше. И вообще в глубине души росло и укреплялось убеждение, что теперь в ее жизни все будет хорошо, даже замечательно. Перед ней как будто кто-то приоткрыл дверь в светлое будущее. Ксения спускалась по лестнице и думала, что однажды она решится и расскажет маме про свои успехи на литературной ниве, неожиданные и ошеломляющие успехи! Очень хотелось верить, что мама обрадуется и станет гордиться своей старшей дочерью, обязательно станет гордиться!

Глава 4.

Портрет богини

Ника с некоторой опаской вышла на лестничную площадку. Тусклая лампочка была предусмотрительно вывернута, и она не смогла рассмотреть лицо человека, что молча протянул ей небольшой бумажный конверт, похожий на почтовый. Ника взяла конверт и молча кивнула. Незнакомец тут же рысцой бросился вниз по лестнице. Лицо его закрывал черный капюшон.

– Мам, – крикнула Ника в глубь квартиры, хватая кроссовки и всовывая в них ноги, – я пойду прогуляюсь. Меня Маринка позвала.

– Куда ты на ночь глядя? – донесся мамин встревоженный голос.

Но Ника не стала отвечать, накинула легкую спортивную куртку и тихо прикрыла за собой дверь.

Она остановилась под единственной целой лампочкой в подъезде между третьим и четвертым этажами и открыла конверт. Три маленьких полиэтиленовых пакетика с белым порошком она сразу сунула в карман куртки. С запиской на обрывке листка из школьной тетради пришлось повозиться, прежде чем она разобрала корявые печатные буквы. Адреса ей были хорошо известны. За последний месяц она

вообще хорошо изучила свой район.

Очередная прогулка по ночным улицам уже не вызывала страха, скорее наоборот. В глубине души девушка представляла себя тайным агентом, Джеймсом Бондом в женском обличии, выполняющем очередное задание, и от азарта и предвкушения чего-то необычного, опасного сосало под ложечкой.

Она легко шагала по темной улице, мимо оставшихся с незапамятных времен ржавых гаражей-«ракушек», мимо монументальной помойки с воняющими блевотиной вечно переполненными контейнерами, мимо детской площадки с давно сломанными качелями и полупустой песочницей, и с гордостью думала о том, что нашла самый подходящий способ заработка. Не то, что ее старшая сестрица! Она, Ника, ни за что не согласилась бы прозябать в какой-то больнице, вынося судна из-под умирающих стариков и делая уколы в их дряблые ягодицы. Фууу!! Да еще и за такие копейки. Это надо себя не уважать, чтобы работать медсестрой на наше государство.

Ника себя уважала и знала себе цену. Недаром мама все время говорила, что у нее, Ники, большое будущее! В двадцать один год она уже прекрасно осознавала, что без денег в этой жизни ничего не получишь: ни модной одежды, ни красивых побрякушек, ни тем более поездок на райские острова в теплых морях. А разве можно себя уважать, если не одет в бренды из последней коллекции и не можешь ска-

зять подружкам: «Мы с моим только что вернулись с Бали!» Она понятия не имела, где находится этот самый Бали, но название звучало впечатляюще и загадочно.

Если нет денег, то необходимо было иметь, как в сказке по Золушку, фею-крестную. Вот не было бы у Золушки этой самой крестной, заметил бы ее принц в застиранном кухонном фартуке, обратил бы на нее внимание? Нет, конечно! Так бы и прозябала девчонка на кухне, моя полы, да надраивая кастрюли и сковородки. Ника догадывалась, что и в реальной жизни хорошо бы иметь щедрого «крестного» или спонсора. Но где они водятся, эти спонсоры, она пока не знала. Приходилось самой крутиться в поисках денег.

Ей до оскомины надоело клянчить у прижимистой сестрички мелочь на карманные расходы, поэтому легко согласилась на предложение девчонки с курса слегка подзаработать. Ника погладила в кармане куртки таинственные пакетики с белым порошком. Она не знала тех, кто передавал ей эти пакетики, не знала, что за порошок в них, да и благоразумно не пыталась узнать. Только полные идиоты могут употреблять эту дурь, тратя на нее обалденные деньги. Ника не была идиоткой, наоборот, она была настолько умна, чтобы на этих идиотах зарабатывать. Представив себе сумму, которую она получит, распахав эти три пакетика по тайникам, она улыбнулась. Сумма обещала быть больше месячного заработка сестрицы.

Замедлив шаги и осторожно оглянувшись по сторонам,

девушка свернула к очередной помойке, но не стала подходить к тошнотворно воняющим контейнерам, а прогулочной походкой прошла вдоль кирпичной стены. На углу она провела рукой по каменной кладке, отсчитывая кирпичи, и нащарила в темноте глубокую трещину. Отлично, вот он, тайник! Незаметно вытащив из кармана один из пакетиков, всунула его поглубже в трещину, утрамбовала пальцами, чтобы наверняка не вывалился, и пошла дальше. Вуаля! Вот и все! Оставалось спрятать второй пакетик в тайнике под гаражом, а третий на детской площадке, и вожденная сумма у тебя в кармане!

Подогреваемая азартом опасного приключения, переполненная гордостью за собственные ум и хитрость, Ника шла по грязным улицам, по заплеванным дворам и мысленно уже выбирала, что сможет купить на так легко и весело заработанные бабки. Все-таки не зря мама говорит, что она в их семье самая умная и самая перспективная!

Я не смог дозвониться Ксении ни вечером перед сном, сжигаемый острым желанием вновь услышать ее голос под предлогом пожелать спокойной ночи, ни утром следующего дня, ни следующего. Механический голос в трубке безразлично сообщал, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны доступа. Я ничего не понимал и бесцельно

бродил по квартире из угла в угол, пытаюсь найти объяснение странному поступку моей прелестной знакомой. Ведь она же сама сказала: «Позвони!» и отключила телефон! Если она не хочет больше общаться со мной, могла бы сразу об этом сказать. Да я и сам почувствовал бы холодок, идущий от известной писательницы. Но чувства меня не обманывали: ее улыбка была нежной и теплой, а взгляд ласковым, добрым. Пустое дело пытаться понять женскую логику! Я уже было собрался с силами выбросить из головы мысли о Ксении, как она сама позвонила.

Все мое существо возликовало, едва я увидел знакомый номер на экране айфона. Я почувствовал себя приговоренным к заключению в одиночной камере на долгие годы, которому вдруг отменили приговор.

– Привет! Куда же ты пропала? – чуть не закричал я в трубку от переполнявшей меня радости.

– Была занята, – ответила Ксения без малейших признаков извинения в голосе. Великая писательница была занята и все тут! – Я передумала по поводу портрета. Но пусть это будет карандашный набросок, а не холст и масло. Хорошо?

– Хорошо! Я согласен на любые твои условия! – Душа моя ликovala, трепеща крошечными крылышками. Она согласилась, согласилась!!

На радостях я схватил подвернувшегося под руки Лёлика и расцеловал в усатую морду. Кот оторопело застыл, вытянув лапы и округлив от удивления зеленые глазищи. Это бы-

ло бесцеремонное и наглое вторжение в его жизненное пространство! И только потому, что Лёлик был застигнут врасплох, он не успел выпустить когти.

Ксения категорически отказалась прийти ко мне домой. Поэтому мы встретились спустя два дня возле метро «Горьковская» и пошли пешком по аллее Александровского парка в сторону планетария. Солнце разукрашивало дорожки загадочными золотыми узорами, пробиваясь сквозь густые кроны деревьев, которые ерошил озорной ветер с Невы. Отдыхающих, гуляющих по тенистым аллеям, было много, но я все-таки нашел свободную скамейку недалеко от входа в планетарий и, усадив свою восхитительную модель, достал из сумки альбом, карандаши и принялся за рисунок.

Ветерок теребил прядь волос у щеки Ксении, легкие тени от листвы скользили по открытому лбу, в уголках губ притаилась застенчивая улыбка. Боже, как же она прекрасна! Богиня, настоящая богиня!.. Карандаш в моей руке в порыве вдохновения птицей порхал по белому листу бумаги, оставляя тонкие, легкие, воздушные линии и постепенно проявляя небесной красоты лицо самой удивительной девушки на свете. Я любовался ею и не пытался скрыть свое восхищение, наверное, поэтому празднующиеся туристы и свободные от работы петербуржцы то и дело останавливались за моей спиной и одобрительно кивали головами, улыбались и перешептывались между собой, давая хорошую оценку мо-

ей работе. Ксения тихонько посмеивалась, бросая быстрые взгляды на зрителей, стараясь не менять позу и выражение лица.

Когда я наконец убрал карандаш и с удовлетворением рассматривал в вытянутой руке законченный портрет, кто-то постучал меня по плечу и деликатно кашлянул. Я обернулся. В двух шагах от меня стояла разодетая в сверкающие стразами одежды, ярко покрашенная дама лет пятидесяти с хвостиком.

– Я тоже такой хочу! – заявила она низким, прокурренным голосом, кивнув на портрет.

– Но я... – пробормотал я, но не успел договорить, когда Ксения склонилась ко мне и прошептала в самое ухо «Соглашайся! Ты же художник». И улыбнулась так просительно, что я не смог возразить.

Модели поменялись местами на скамейке, и теперь Ксения с интересом наблюдала за моей работой, а дама поправила пышную прическу и с важным видом задрала вверх подбородок. Я сдержал улыбку и достал чистый лист бумаги. Я был счастлив, молод и влюблен, а самая красивая девушка на свете стояла рядом со мной, поэтому я, не стесняясь, покривил душой, откровенно омоложив свою возрастную натурщицу и щедро приукрасил ее портрет. Почему бы не сделать человеку приятное?

Дама осталась совершенно довольна своим приобретением и, неожиданно сунув мне в руку мятую купюру, подня-

лась со скамейки и пошла по аллее по направлению к Мюзик-Холлу, обмахиваясь портретом как веером. Я растерянно посмотрел на свой заработок, а Ксения засмеялась:

– Искусство приносит свои плоды!

– Да, теперь я знаю, что делать, если меня уволят с работы, – кивнул я, усмехнувшись и убирая альбом и карандаши.

Мы еще долго гуляли по парку, зашли на территорию Петропавловской крепости, полюбовались выставкой песчаных скульптур на пляже, долго критически рассматривали скульптуру Петра I работы Михаила Шемякина (неоднозначная работа!), а потом с моста кормили крошками многочисленных уток, облюбовавших Кронверкский пролив.

Вокруг нас гуляли толпы туристов, гомоня на разных языках, но все они слились в пестрый многоголосый фон для моей спутницы, моей королевы, моей богини. Глаза мои и уши сфокусировались на ней, не замечая больше ничего и никого. Вселенная изогнулась сферически, окружив русоволосую красавицу мягкими изгибами пространства и поместив ее в собственный центр, давая мне возможность беззастенчиво любоваться совершенством своего творения.

Летнее солнце, плывущее в небесной синеве сорванным одуванчиком, щедро дарило нам свое тепло, вытягивая к моей богине тонкие лучи, явно выделяя ее из толпы. Свежий ветер с Невы ласково и нежно теребил русые локоны Ксении. Еще бы! А как иначе можно касаться такой красоты – только ласково и нежно! Светлые блики, отражаясь от воды, ис-

корками вспыхивали в ее прекрасных глазах. Мы говорили о всяких пустяках, но я чувствовал, как за спиной у меня вырастают крылья. Повинуясь внутренней потребности, я взял ее за руку и не выпускал из своей ладони ее тонкие нежные пальчики, пока мы шли обратно к метро.

– Я провожу тебя, – предложил я на ступенях «Горьковской». Расставаться категорически не хотелось. Я готов был провожать свою спутницу до самого дома и было бы замечательно, если бы этот дом располагался на краю света.

Ксения посмотрела долгим проникновенным взглядом в мои глаза и покачала головой:

– Нет, Андрей, провожать меня не надо.

– Почему? – удивился я. – Мой отец говорил мне с юных лет, что мужчина просто обязан проводить девушку до дома. Мало ли что может случиться по дороге?

Ее отказ казался кокетливой игрой. Но Ксения была непреклонна.

– Ничего не случится. Я сама доеду до дома. А ты мне позвони завтра или послезавтра!

Я до последнего мгновения удерживал ее руку в своей, пытаюсь затянуть расставание. Но девушка поднялась на одну ступеньку, потом на вторую... Взмахнула рукой, одарив напоследок лучезарной улыбкой, и исчезла в недрах станции метро, очень похожей на летающую тарелку звездных пришельцев, в результате какого-то недоразумения приземлившейся в центре мегаполиса.

Грусть от разлуки быстро растворилась в переполнявшей душу радости предчувствия чего-то невообразимо огромного, всепоглощающего. Я направился к пешеходному переходу, но окрыленный, восторженный, не удержался и сделал несколько танцевальных па прямо по тротуару, подпрыгнул вверх, коснувшись рукой нижних веток старой липы, распуская удивленных прохожих.

Я шел сквозь людской поток и глупо улыбался, не в силах сдержать рвущееся изнутри счастье. Наверное, люди принимали меня за сумасшедшего, душевнобольного? Да, я был болен, болен единственной в мире болезнью, которой жаждут заболеть все, а заболев, даже не пытаются найти от нее лекарство!

Глава 5.

Беда в Зазеркалье

Ксения медленно шла к дому и размышляла об Андрее. Хороший парень, умный, образованный, красивый. К тому же прочно стоит на ногах, квартира своя, машина. А может это и есть тот пресловутый принц, только вместо коня у него нехилая иномарка? И папа-король – бизнесмен по-нашему – имеется. Может ей повезло, и она вытащила козырного туза из колоды? Мгновенно захотелось плюнуть на свою убогую семейку и навсегда уехать в другой, сказочный мир. Но разве можно оставить маму, да и брата с сестрой на тихого алкоголика Аркадия Петровича? Кира инвалид, он полностью зависит от других. Ника еще учится в институте – ах, извините! – в университете. Мама не позволяет называть СПбГУ примитивным институтом. Она очень гордится средней дочерью, ведь та единственная в семье получит высшее образование. Никак не чета ей, Ксении, обычной медсестре со средним специальным. Нет, это было бы предательством с ее стороны. Да и парень этот, Андрей, темная лошадка. Это он сейчас такой веселый, щедрый, душа на распахку. Какие они на самом деле, золотые мальчики из богатых семей, кто знает? Свяжись она с таким и мгновенно из заласканной, избалованной души его полезет всякая дрянь: капризы, пре-

тензии, жадность, ревность.

Ксения поднялась на свой этаж и замерла с ключом в руках у двери. Из квартиры доносился вой... Кто-то громко, истошно выл на высокой ноте, изводя душу своей монотонностью. «Господи, что случилось?!» – мелькнуло в голове Ксении и сердце откликнулось на эту мысль ускорением ритма.

Она вошла в квартиру и, не снимая уличной обуви, бросилась в комнату. Мама сидела на диване и, обхватив голову руками, раскачивалась из стороны в сторону и выла. Рядом сидел Аркадий Петрович и трясущимися руками протягивал ей стакан с водой.

– Ларочка, ну, Ларочка, – бормотал он растерянно.

– Что случилось, мама?

– Беда, ой, беда, Ксана! – закричала мама, поднимая на старшую дочь опухшие от слез, покрасневшие глаза. – Нику полиция арестовала.

– Господи, за что? – Ксения бросилась к матери, пытаясь ее обнять, утешить.

– Это ужасная ошибка, Ксана, ужасная! Моя девочка не могла сделать ничего плохого, просто не могла! Она же ангел, настоящий ангел! А эти люди обвиняют ее в жутких вещах.

– В каких вещах? – спросила Ксения, но мама снова взвыла раненой волчицей, а отчим, тоже заливаясь слезами, только трясся, как после запоя.

Из соседней комнаты выкатился на своей коляске Кира и, оценив обстановку и поняв, что никто кроме него толком не расскажет Ксении, объявил:

– В торговле наркотиками.

– Что?.. – Ксения уставилась на брата. – Но этого не может быть. При чем здесь Ника?

– Ее взяли, когда она делала закладку с дозой на какой-то детской площадке. Теперь обвиняют в торговле наркотиками.

Ксения встала, осмотрелась вокруг, оценив моральный урон, нанесенный ее семье этим ужасным известием, и поняла, что разбираться со всем, как всегда, придется ей, ей одной.

– Так, успокойтесь, пожалуйста, все! – Заявила она твердым голосом. И это сработало. Три пары глаз с надеждой уставились на нее. – Кира, дай маме успокоительное. Таблетки в аптечке. Дай сразу две, чтобы мама уснула. Аркадий Петрович, возьмите себя в руки. Слезам горю не поможешь, а доставать новую бутылку не стоит. В каком отделении полиции Ника?

– В нашем, районном, – всхлипнула мама, сразу перестав выть.

– Я сейчас схожу туда и поговорю с самым главным начальником. Поняли? Я со всем разберусь. Мамуль, ты только не волнуйся, а то давление поднимется. Хорошо?

Она ласково погладила мать по плечу и поцеловала в ма-

кушку с такой нежностью и состраданием, что Кирилл не сдержал ухмылки. Будь мать в нормальном состоянии, она бы ответила на эти «телячьи нежности», которые терпеть не могла!

Кабинет был официально-безликим и пропахшим никотином. Хозяин кабинета сидел за массивным столом и нервно постукивал по столешнице карандашом. Ксения не разбиралась в звездах на погонах и не смогла определить, в каком звании находится начальник. Но вид у него был важный и надменный. Лет сорока, заплывший жирком, с большими залысинами на круглой голове, он смотрел на нее маленькими злыми глазками.

– Это какое-то недоразумение, – растерянно бормотала Ксения, не зная, как объяснить, как убедить, – Ника студентка университета, почти отличница. Она просто не могла сделать такого.

– Да я вам могу с десятков примеров привести, как вот такие хорошие девочки, студентки и отличницы, становятся проститутками и наркоманками, – возразил начальник.

– Но только не Ника! Поверьте, она не могла совершить преступление. Я знаю ее с рождения.

Хозяин кабинета недовольно поморщился.

– Увы, но верить мне приходится только фактам. А фак-

ты говорят, что ваша сестра занималась распространением наркотиков путем размещения закладок в укромных местах. Мы взяли ее с поличным. У нее в руках был пакет с дозой. И после этого вы убеждаете меня в том, что Ника не могла сделать ничего такого, потому что она хорошая девочка?

Ксения растерялась. В голове не укладывалось, что ее младшая сестра, мамина любимица и надежда всей семьи могла пойти на такое! Ника, конечно, не подарок. Характер у нее тот еще! Но распространение наркотиков... Нет. Это невозможно!

– Все равно это какая-то жуткая ошибка! Ну, как мне вас убедить?

Начальник посмотрел на нее с прищуром, словно что-то прикидывая в уме.

– Ну, убедить меня не сложно, – и стал что-то чиркать карандашом на маленьком листочке бумаги. – Я, конечно, не зверь и понимаю, что распространение наркотиков – статья очень серьезная. И двадцатиоднолетней девчонке тюремный срок просто ломает жизнь. По-человечески мне жаль студентку и отличницу.

В душе Ксении затеплилась надежда. Но хозяин кабинета пододвинул к ней листок с какими-то цифрами.

– Вот если бы нам удалось найти свидетелей, которые подтвердят, что ваша сестра случайно нашла чужую закладку и взяла ее в руки.

Он с интересом наблюдал, как Ксения изучает цифры

на листочке, как ее красивые серые глаза расширяются от изумления.

– Давайте уж тогда помогать друг другу. Вы поможете мне, а я помогу со свидетелями. – И испытующе посмотрел на собеседницу.

У Ксении внутри все похолодело. Цифры на бумажке складывались в круглую сумму, до копейки совпадающую с суммой гонорара, полученного ею за первый опубликованный роман. Стало трудно дышать. Толстяк в погонах с маленькими злыми и наглыми глазками загонял ее в угол. За свободу сестры надо было расстаться с надеждой выбраться из долгов, решить неотложные финансовые проблемы и рассказать маме о новой жизни, в которую Ксения уже ступила одной ногой.

Она растерянно потерла лоб рукой. Возвращаться к точке отсчета, опять все начинать с нуля? Опять молчать, скрывая ото всех, что она писатель, писатель талантливый и уже получивший признание? Оставаться в глазах матери дочерью-неудачницей, не достойной любви и уважения? Но речь шла о жизни и будущем ее сестры!

– Хорошо. Когда и куда принести деньги? – Ксения прямо посмотрела в эти наглые мерзкие глазки.

– Тсс! – начальник прижал палец к губам, призывая к молчанию. – Зачем же так прямо? Я рад, что мы поняли друг друга. Никуда ничего приносить не надо. Переведите все вот на эту карту.

Он написал длинный ряд цифр на другом листочке и протянул Ксении, а первый листок скомкал и сунул в карман.

— Как только я получу смс с уведомлением о пополнении счета, ваша сестра вернется домой.

Ксения поднялась со стула и направилась к двери. На пороге, уже взявшись за ручку двери она обернулась.

— А вы меня не обманите?

— Зачем? — толстяк изобразил удивление на довольной физиономии. — У нас все по-честному.

Как же, по-честному! Думала Ксения язвительно, спускаясь по лестнице. Мент поганый, оборотень в погонах! Донести бы на тебя в службу собственной безопасности, так ведь в отместку ты всех собак на несчастную дурочку Нику повешишь. И тогда точно ей не отвертеться.

Глава 6.

Васькина тайна

Я звонил и завтра, и послезавтра, но заколдованный телефон механическим голосом вещал о зоне доступа. Издевается она надо мной что ли? Смирившись и утешая себя тем, что в прошлый раз Ксения позвонила сама, я решил отвлечься.

В пятницу к вечеру я отправился на традиционный Уик-энд к родителям. Жили они в элитном коттеджном поселке в тридцати километрах от города, в красивом двухэтажном доме, окруженном тенистым садом. Летом в хорошую погоду проводить выходные с семьей мне нравилось. Всегда находились темы для разговоров. Отец топил баню, а брат Костя готовил шашлыки. Рассевшись все вместе за круглым столом в беседке, мы ели шашлыки и наслаждались тихими летними вечерами, пропитанными ароматами цветов и горящих березовых поленьев, под мелодичный звон комариного хора в кустах. Мама трогательно заботилась о своих взрослых сыновьях, подкладывая в наши с Костиком тарелки лишний кусочек. Ей почему-то всегда казалось, что мы, такие одинокие и заброшенные, не доедаем, худеем и вот-вот заболеем. И от этой материнской заботы мы как-то автоматически превращались в детей, млеющих от маминого внимания, и с благодарностью принимали все ее дары.

Через автоматически открывшиеся ворота я въехал на территорию участка. В гараже обнаружился только мамин миниатюрный мерседес-смарт. Значит отца пока нет дома. Да и Костик еще не подъехал. Я поставил машину на место отцовского БМВ и пошел к дому. Дверь в дом была не закрыта, но внутри царила тишина, как будто никого из обитателей не было.

– Есть кто живой?! – громко спросил я, заглядывая во все помещения первого этажа.

На кухне в духовке что-то готовилось, сквозь толстое стекло передней дверцы мерцал желтый свет и горели красным индикаторы на панели управления. Значит хозяйка должна быть где-то недалеко. Я отправился на поиски в сад.

После недавнего ливня трава и листья источали ароматы свежести. Захотелось снять ботинки и пройтись босиком по мягкой, ждущей стрижки зеленой лужайке, чтобы почувствовать голыми ступнями тепло и влажность земли, что я и сделал немедленно, закинув не глядя обувь в коридор, слегка закатал брюки и отправился на поиски маман.

Птицы щебетали в кронах старых яблонь, на кустах сирени поблескивали в лучах солнца не успевшие высохнуть капли дождя. В пышной белой шапке цветка пиона деловито копошился шмель. Выложенная плитками извилистая дорожка вела меня по саду от одного уютного уголка к другому, но хозяйки нигде не было.

Я уже готов был достать телефон из кармана и набрать но-

мер мамы, как вдруг увидел ее за зеленой изгородью пирамидальных туй.

– Привет, мам! – поздоровался я, с интересом разглядывая диковинный столик из березового пня и необычной формы плетеное кресло, которое было подвешено на гигантской металлической дуге и напоминало гнездо-кокон тропической птицы. – Чем занимаешься?

Наталья Алексеевна, красивая, все еще стройная, подтянутая, в рабочих джинсах и клетчатой ковбойке, разогнула натруженную спину от клумбы с цветами и радостно улыбнулась.

– Андрейка наш приехал!

Ставив с рук садовые перчатки, она подошла и обняла меня, расцеловав в обе щеки. Никто кроме нее не называл меня Андрейкой. Смешное детское имечко! Но моей любимой маме позволено было все.

– Откуда такое чудо? – поинтересовался я, указывая на кресло.

– Да вот купили тут с Василисой и обустроиваем еще одну зону отдыха.

– А Васька где?

– Пошла за гномом. Говорит, что к такому креслу непременно полагается гном.

Я усмехнулся и подошел к креслу, опасливо покачав плетёный из ротанга кокон.

– А мои 80 кило выдержит?

– А ты попробуй!

Я аккуратно, чтобы ничего не сломать, взгромоздился в диковинное кресло и тут же почувствовал себя младенцем в люльке. «Гнездо» уютно покачивалось и пружинило вверх-вниз. Сразу захотелось взять в руки книжку и погрузиться в чтение, ничего не замечая вокруг.

– Классная штука! Это Васька придумала?

– Конечно, кто же еще? Это она у нас мастер деталей.

Из-за туй появилась сама Василиса. Увидев меня, ее кареглазое личико осветилось радостной улыбкой. В руках она держала смешную фигурку садового гнома в красном колпаке.

– Привет, ученица! – провозгласил я и помахал рукой, не став подниматься из кресла, так как не был уверен, что смогу выбраться из него без посторонней помощи.

– Привет, сэнсэй! – ответила девушка, поставив на землю гнома и сложив перед собой руки ладонками вместе, как это делают на востоке, склонившись в почтительном поклоне. Облаченная в короткие шортики и яркую трикотажную маечку, стройная и загорелая, будто только вернулась с юга, девушка казалась живым воплощением беззаботной летней жизни.

Девятнадцатилетняя соседская дочка Василиса действительно была моей единственной и, надо сказать, талантливой ученицей. Знакомы мы были тысячу лет, с тех самых пор, как семья известного в городе адвоката Литвинова купила

соседний участок. Родители наши быстро подружились, а я нередко развлекал маленькую Васю, рисуя ей в альбом смешных и забавных зверушек. Но Василиса выросла и, к моему удивлению, собралась поступать в художественное училище. Я и не знал, что она тоже рисует! Евгений Александрович – отец Василисы – попросил меня немного с ней позаниматься, помочь подготовиться к вступительным экзаменам. Я согласился. Как же я мог отказать другу отца? Хотя, если быть честным, ни малейшего желания возиться с учениками у меня не было. Ну, не педагог я, а обычный художник.

Но Вася оказалась не только талантливой, но и усидчивой, терпеливой и послушной ученицей. Даже мне эти занятия были не в тягость. Василиса внимательно слушала мои советы и замечания, старательно исправляла недостатки, быстро усваивая сложную для юной выпускницы школы информацию. Для своей дальнейшей учебы она выбрала не Академию художеств, «Репинку», а училище имени Веры Мухиной, автора знаменитой на весь мир скульптуры «Рабочий и колхозница», в просторечье «муху». Хотя в эпоху перемен ему вернули прежнее название – художественно-промышленная академия имени Штиглица. Успешно поступила на факультет дизайна и теперь не менее успешно училась, закончив, кажется, уже второй курс.

– А гном зачем? – спросил я, с удовольствием раскачиваясь в чудесном кресле и болтая в воздухе босыми ногами.

– А вот зачем, – с этими словами Вася поставила фигурку

у подножия кустов смородины и пространство сразу преобразилось.

Голова гнома с хитрыми глазками и в красном колпаке выглядывала из-за превращенного в садовый столик пня, превращая банальную зону отдыха в сказочный уголок, наполняя таинственностью и волшебством. От необыкновенного кресла и симпатичного гномика отчетливо веяло сказкой. Казалось, стоит заглянуть за куст смородины, и увидишь Белоснежку. От удивления я привстал в своем кресле и не скрывая восхищения, сказал:

– Вась, а ты действительно мастер деталей! Одна маленькая фигурка и такое преобразование! Приходи ко мне домой. Может тебе удастся превратить мою холостяцкую берлогу в приличную квартиру?

– Хорошо, конечно, приду, – легко согласилась девушка.

– Когда закончишь «муху», советую заняться собственным бизнесом и организовать фирму под лозунгом: – я развел в стороны руки, будто держал в них транспорант, – «круто изменим вашу жизнь малыми средствами!»

– Я подумаю над твоим предложением, сэнсэй, – улыбнулась соседка.

Из кресла меня вытаскивали вдвоем, превратив это нелегкое занятие в шутку, прикол, хохоча на три голоса и попрекая мою ленивую натуру, никак не желающую ходить в спортзал, а предпочитающую сон до полудня и ночные бдения в клубах с компанией друзей, что никак нельзя было

принять за здоровый образ жизни.

Вскоре подтянулись папа и Костик со своей женой Леночкой. Милая, очень напоминающая Настеньку из детской сказки «Морозко», Леночка перемещалась медленно и аккуратно, неся впереди себя, как драгоценную вазу, свой округлый животик. Братец с супругой надумали к осени превратить наших родителей в дедушку с бабушкой, а меня в дядю Андрея, чему все были несказанно рады. А вечно болтающаяся на нашем участке Васька просто изнывала от нетерпения, успев уже придумать интерьер детской и кучу разнообразных игрушек и развлекаловок для моего будущего племянника.

Вовремя подоспел обед, дозревавший в духовке, оказавшись мясом по-французски. Шашлыки делать не стали, но стол накрыли, как всегда, в беседке. Василиса попыталась было улизнуть к себе домой, но была поймана Натальей Алексеевной и усажена за стол вместе со всеми. Отец, хитро улыбаясь, принес из дома графинчик с наливочкой, собственноручно приготовленной в прошлом году из выращенных маман ягод смородины. Я внутренне облизнулся, но покачал головой:

– Не, пап, я за рулем.

– А куда ты собрался сегодня ехать? – Удивился отец, подставляя мне рюмку и наливая в нее рубиновую жидкость. – Не желаешь ночевать в родительском доме?

– Да ты что, Андрюша! – Тут же воскликнула мама, воз-

мущенно всплеснув руками. – И так редко родителей навещаешь, еще и переночевать не останешься?

– А как же баня? – вставил железобетонный аргумент брат.

– Там Лёлик один, а еды я ему мало оставил, – попытался оправдаться я.

– Ничего, ему полезно будет немного похудеть! – Не жаловал отец моего хвостатого друга.

Все-таки меня уломали, и я решил остаться. Слово за словом, рюмочка за рюмочкой... душа моя в теплом семейном кругу разомлела и растаяла. Когда бесподобное мясо по-французски было съедено, а графинчик с наливкой опустошен, пришло время домашних пирогов и чая с травками.

В тихих летних вечерах за городом, на природе есть нечто волшебное, завораживающее. После городского смога и выхлопных газов больших скоростных магистралей, воздух в родительском саду казался не просто свежим, а удивительно вкусным, его хотелось есть ложкой, как фруктовое мороженое. Костик принес из дома мамину вязаную шаль и заботливо накрыл плечи своей Леночки. От кустов смородины и крыжовника тянуло прохладой. Да и надоедливые комары завели свою нудную песню, заставив нас зажечь на столе специальные отпугивающие кровососов свечи.

Я долго наблюдал за братом и его половинкой. Сколько же нежности и любви в глазах Кости! Женившись, он стал заметно мягче, добрее, спокойнее. Яркий пример тому, что

счастливая семья делает человека лучше и даже, говорят, продлевает жизнь. Я снова подумал о Ксении. А хотел бы я вот так же, как Костик, бегать в дом за шалью, чтобы укрыть плечи любимой от вечерней сырости? И вдруг неожиданно для самого себя ляпнул вслух:

– Кажется я влюбился.

Пять пар глаз уставились на меня. Васька от неожиданности поперхнулась пирожком и закашлялась.

– Эка невидаль! – пришел в себя Костик. – Впервой что ли? Да у тебя этих влюбленностей по семь штук на неделе.

– Действительно, ничего нового и неожиданного, – поддакнул Костику отец. – Насколько я тебя знаю, сын, от недостатка женского внимания ты никогда не страдал. Ну, завел себе очередную подружку, и что?

– Вы так говорите, – возмутился я, – как будто я необыкновенный бабник!

– Почему, необыкновенный? Вполне обыкновенный, заурядный бабник, – подтрунивал надо мной старший братец.

Насмешка в глазах близких и их несерьёзное отношение так меня задели, что я выпалил:

– Да может я вообще женюсь!

Васька уронила ложку и полезла под стол ее поднимать. Мама подошла ко мне, погладила по голове и приложила ладонь к моему лбу, словно проверяя температуру.

– Не стоит горячиться, сыночек. Влюбился – это хорошо,

а вот женитьба – дело серьезное, с этим торопиться не стоит.

– Правильно, главное не торопиться, – не унимался вредный Костя, – авось само пройдет, как ОРЗ.

Васька выползла из-под стола с ложкой в руке, карие глаза нездорово блестели на бледном лице.

– Пойду сполосну, – пробормотала она сдавленным голосом и убежала в дом.

Но мне было не до Василисы. Меня распирало от возмущения.

– Почему ты так уверен, что пройдет? А вот не пройдет. Возьму и женюсь! Получается, что Косте можно, а мне нельзя? Что за дискриминация?! Чем я хуже него? Почему вы вообще не воспринимаете меня всерьёз?

Мое возмущение, подогретое отцовской наливочкой, продолжало бурлить и klokотать. Женская половина семьи цыкнула на Костика, велев ему замолчать и не злить брата, а меня стали благоразумно успокаивать, подливая в чашку чай и суля достать из кладовки какое-то необыкновенное маминo варенье, спрятанное для особого случая. В кладовку отправили отца, но он вернулся и растеряннo развел руками.

– Не нашел, Наташа, – признался он с виноватым видом.

– Да ну тебя! – мама махнула на него рукой, и сама отправилась на поиски варенья.

Наталья Алексеевна перебрала все полки в кладовой, но нужной баночки не обнаружила. «Куда же я его поставила? – Думала она, нахмутив в задумчивости лоб. – Может быть в кухне на полочке?»

Подходя к кухне, она услышала из-за двери тихие, прерывистые звуки, будто скулил брошенный щенок. Щелкнув клавишей выключателя, Наталья Алексеевна успела заметить торопливое движение в углу за посудомоечной машиной, но непонятные звуки стихли.

– Кто тут? – спросила она, насторожившись и заглянула за посудомойку.

В углу, сжавшись в комочек, сидела Василиса и хлюпала носом.

– Василиса, девочка моя, ты плачешь? – Наталья Алексеевна присела прямо на пол рядом с рыдающей девушкой и привлекла ее к себе, ласково обняв и поглаживая по вздрагивающим плечам. – Что случилось?

Вася только всхлипывала и мотала головой, размазывая слезы кулаком по лицу.

– Ты из-за Андрея? – Вдруг поняла Наталья Алексеевна и ахнула. – Да ты влюблена в него, девочка... А он знает?

– Что вы, нет! – Всхлипнула девушка. – Я ему никогда не скажу. Я ж для него Васька, что-то вроде домашнего животного.

– Ну, что ты, душа моя, не говори так, – Наталья Алексеевна с состраданием смотрела на свою юную соседку. Очень

хотелось утешить, ободрить, но как? – Даже не знаю, что тебе сказать, девочка... Утешит ли тебя то, что у Андрейки все еще десять раз переменится? Он же художник – натура увлекающаяся. Гарантировать не могу, но верю, что когда-то и он повзрослеет, разберется в самом себе и начнет отличать золото от простой мишуры. Вот тогда то, может быть, он увидит, какая ты у нас красавица, умница, какое у тебя золотое сердечко.

Василиса подняла на Наталью Алексеевну заплаканные глаза и горько улыбнулась:

– Самое главное в этом «может быть». А ведь может и не быть, может никогда не быть. Зачем все это, тетя Наташа, я ведь не хотела, все само как-то получилось...

– Ну, не плачь, не плачь, девочка, – Наталья Алексеевна прижала Василисину голову к своей груди и стала тихо покачивать, будто укачивала расплакавшегося младенца.

Глава 7.

Город творит свою магию

Моя загадочная писательница словно пряталась от меня, уходя в параллельный мир. Но спустя несколько дней все-таки звонила сама и мы долго болтали по телефону. Наконец она согласилась прийти на свидание, а я решил устроить ей сюрприз. Я вдруг стал мечтательно-романтическим, испытывая острое желание превратиться в капитана Грея и приплыть к моей мечте под алыми парусами.

А что, это мысль! Ну, алые паруса – это уже бренд, защищенный авторскими правами. Но свежий ветер и речную волну еще никто не запатентовал! Я позвонил своему старому приятелю и получил от него телефон одной маленькой фирмочки, у которой можно было арендовать катер.

После недели дождей Питер, умытый, свежий, накрыла знойная теплынь. Солнце светило так, что не спасали солнечные очки и приходилось щуриться от слепящих бликов, отражающихся от воды. И сверкающий золотыми куполами город плыл по синим-синим волнам под звонким голубым небом. Встретив Ксению у метро «Гостиный двор» на выходе на канал Грибоедова, я повел ее к маленькой пристани, где нас уже ждал старый морской волк со шкиперской рыжеватой бородкой и в капитанской белой фуражке с золотым

якорем.

– Игорь Иванович, – представился капитан, пожимая мне руку, и повел нас на катер.

Элегантная белая посуда, похожая на сложившуюся крылья чайку, покачивалась на легких волнах. Мы уселись на скамейку на корме, и капитан тронул штурвал. Быстроходный и легкий катер юрко маневрировал между экскурсионными кораблями, переполненными туристами. Развернувшись, мы отправились мимо собора Спаса на Крови в сторону Казанского.

Мысленно я обратился к городу на Неве: «О, Петербург, сказочник и добрый волшебник, подыграй мне, стань соучастником, помоги произвести впечатление, очаровать, заколдовать самую красивую девушку на свете!» И город с заговорщицким видом подмигнул мне солнечными бликами, отразившимися в окнах проплывающих мимо домов.

– Посмотрите налево, – заговорил я голосом заправского экскурсовода, вдруг проявив дар красноречия, – мы проплываем мимо шедевра русского зодчества собора Воскресения Христова или Спаса на Крови. Как вы, несомненно, знаете, милая барышня, собор построен прямо на месте, где был смертельно ранен император Александр второй, тот самый, который отменил крепостное право. Деньги на строительство собора собирали по всей России. Долго не могли выбрать проект. Многие известные архитекторы боролись за право строить храм-памятник великому царю-освободи-

телю, но конкурс выиграли Альфред Парланд и настоятель Троицко-Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий.

– Откуда ты все знаешь? – с улыбкой на очаровательном личике спросила Ксения.

– Это мой самый любимый храм в городе! Посмотри какой он необычный. Он же как будто прямо из сказки о царе Салтане! А внутри ты была? Там потрясающие мозаики, выполненные по эскизам самых знаменитых русских художников, Васнецова, Нестерова, Рябушкина и многих других. Впервые я попал в этот храм еще в детстве и потом раз десять просил родителей отвести меня туда еще раз, пока не рассмотрел все картины в деталях.

– Ты хочешь сказать иконы? – переспросила Ксения.

– Именно картины. Они хоть и на библейские сюжеты, но я их не воспринимаю иконами, настолько они живые, дышащие, совсем не похожие ни на одну из иконописных школ. Красота запредельная! А ведь этот храм в конце тридцатых годов хотели уничтожить, разобрать по кирпичику! – Ксения удивленно округлила глаза. – Но война помешала. А во время блокады в храме был морг. Туда свозили погибших от голода ленинградцев. А после войны в начале шестидесятых, когда решили отреставрировать храм, в центральном куполе реставраторы обнаружили застрявший в стропилах немецкий фугас весом под 150 килограммов! Провисел там этакий подарок на память больше пятнадцати лет и не взорвался. Представляешь?

– Чудо, обыкновенное чудо! – Ответила Ксения, придерживая у лица русые пряди и провожая взглядом уплывающие назад сказочные по своей красоте разноцветные купола. – Стыдно признаться, всю жизнь живу в Питере, а внутри собора ни разу не была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.